

© 2012 г. Н.К. БОГОМОЛОВА

ЛИЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКЕ: КОНЦЕПТУАЛИЗАТОР И ЕГО АДРЕСАТ В СТРУКТУРЕ СИТУАЦИИ*

Статья посвящена исследованию морфологии, семантики и прагматики глагольных согласовательных показателей в табасаранском языке (нахско-дагестанская семья, Хивский и Табасаранский районы Республики Дагестан) на материале говора сел. Межгюль (Хивский район, южное наречие). В статье показано, что, вопреки сложившемуся в научной литературе мнению, показатели при финитном глаголе (как субъектные, так и объектные) не могут рассматриваться как результат чисто синтаксических механизмов переноса лично-числовых признаков субъекта или объекта, а представляют собой способ управления вниманием адресата и отражают концептуализацию участника ситуации – лица как ее центральной фигуры.

В отличие от большинства других дагестанских языков, в табасаранском языке представлено личное глагольное согласование [Услар 1979; Магомедов 1955; Магомедов 1965: 205–215; Ханмагомедов 1970: 64–102; Кибрик, Селезнев 1982]. Согласование глагола по лицу в табасаранском языке состоит в том, что если в предложении есть местоимение первого или второго лица, то оно дублируется в глагольной словоформе, причем согласоваться может любой аргумент глагола. Ср. следующие примеры:

- (1) *uzu dumu ap'-ur-za.*
я это делать-FUT-1SG:AG
'Я это сделаю'.
- (2) *duvu uzu derben.ʒi-z aχ-ur-zu.*
он: ERG я Дербент-DAT <NN>уносить-FUT-1SG:PAT
'Он отвезет меня в Дербент'.
- (3) *uzu-z gasul ʁ-aʁ<ɾ>qɨ-un-zu-z.*
я-DAT Расул PF-<NN>видеть-PFT-1SG-DAT
'Я Расула видел'.
- (4) *maʁhamad.ʒi jiz χuʁni hič'ik'-n-iz.*
Магомед(ERG) мой корова <N>красть-PFT-1SG:GEN
'Магомед мою корову украл'.
- (5) *maɾa uzu-q liç-ur-zu-q.*
мама я-POST ходить-FUT-1SG-POST
'Мама будет искать меня'.

В примере (1) местоимение первого лица единственного числа *uzu* согласуется с глаголом при помощи личного показателя *-za*, который, помимо лица и числа аргумента, указывает также на его морфологический падеж (номинатив), синтаксическую (субъект) и семантическую (агенса) роли. В примере (3) то же местоимение в дательном

* Большую помощь при работе над статьей мне оказали замечания рецензента, благодаря которым некоторые разделы были переработаны и улучшены. Я хочу также выразить благодарность Диме Ганенкову и Тимуру Майсаку, внимательно прочитавшим текст статьи и высказавшим ряд конструктивных замечаний и предложений. Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 12-34-01255 и МК-291.2012.6.

падеже вызывает показатель *-ziz* при глаголе 'видеть', согласующийся с ним в лице, числе и падеже. Примеры (2), (4) и (5) демонстрируют возможность согласования глагола с одним из своих не-субъектных аргументов (на примере местоимения первого лица единственного числа): в примере (2) показатель *-zi* обозначает местоименный номинативный аргумент с ролью пациента, в примере (4) посессивное местоимение при объекте согласуется с глаголом при помощи показателя *-jiz* и, наконец, в примере (5) показатель *-ziq* указывает на согласование с местоимением в одном из локативных падежей, постэссиве.

В сфере личного согласования табасаранский язык, с одной стороны, отличается от близкородственных агульского и лезгинского языков, где личное согласование отсутствует, а с другой стороны, превосходит по своей сложности те немногие дагестанские языки, где оно представлено (даргинский, лакский, удинский, ахвахский).

Глагольное согласование характерно, по всей видимости, для всех табасаранских диалектов и говоров. В говорах тех сел, где мы проводили полевые исследования (а их около десяти), согласование во многом ведет себя одинаково: схожи и правила появления личных показателей при глаголе, и семантика согласования. Тем не менее при сборе материала мы не обнаружили говоров, где парадигмы личного согласования полностью бы совпадали. Различие между диалектами связано как с морфологией глагольных согласовательных аффиксов, так и с колебаниями в области семантики.

Предварительные сведения о глагольном согласовании в табасаранском языке были даны уже в [Услар 1979; Магометов 1955; 1965; Ханмагомедов 1970; Генко 2005¹], однако впервые его системное описание было представлено в работе [Кибрик, Селезнев 1982], написанной по результатам экспедиции МГУ 1979 года в сел. Дюбек (Табасаранский район, северное наречие) с привлечением данных говоров сел. Хив и Кандик (оба Хивский район, южное наречие). Краткое описание системы личного согласования в сел. Кандик было опубликовано в [Кибрик 2003].

В настоящей статье рассматривается личное согласование в говоре сел. Межгюль (Хивский район Республики Дагестан)². Этот говор не только территориально, но и по языковым признакам относится к южному наречию табасаранского языка (о диалектных различиях см. [Магометов 1965; Генко 2005]) и значительно отличается от говоров северного Табасарана. До настоящего времени этот говор не подвергался непосредственному изучению. Вместе с тем наша цель в этой статье состоит не только и не столько в том, чтобы описать саму по себе систему согласования в говоре сел. Межгюль, но и в том, чтобы рассмотреть на ее примере наиболее интересные и проблемные точки в области личного согласования в табасаранском языке в целом.

Разделы 1 и 2 дают общее представление о личном глагольном согласовании в табасаранском языке: здесь рассматривается система личных местоимений первого и второго лица и соответствующие им личные глагольные показатели, а также базовые правила личного согласования. Раздел 3 посвящен морфологическому анализу личных глагольных аффиксов в говоре сел. Межгюль. Анализ демонстрирует недостаточность морфологических данных для объяснения существующих запретов в области согласо-

¹ Диалектологический очерк табасаранского языка был написан А.Н. Генко в 1934–1935 гг., однако опубликован значительно позже, в 2005 г.

² Мы приносим огромную благодарность Шахвеледу, Марисат и Марине Мирзакеримовым (с. Межгюль) за большой и кропотливый труд при работе над многочисленными анкетами и переводами, за искреннее желание помочь нам и за гостеприимный прием, который мы всегда находим в их доме. Неоценимый вклад в нашу работу внес Тажир Гаджимагомедов (с. Джули Табасаранского района Республики Дагестан). Работа с ним всегда оказывается не только плодотворным изучением грамматики табасаранского языка, но и просто приятным общением. Его уникальная способность тонко анализировать языковые данные позволила нам глубже проникнуть и понять многие грамматические явления в области личного согласования. Огромную благодарность за организацию наших занятий мы выражаем также его жене Наиде.

вания. Далее в статье рассматривается семантика и прагматика личного глагольного согласования. В разделе 4 анализируется связь личного согласования с информационной структурой предложения. Раздел 5 составляет центральный фрагмент статьи: здесь выделяются релевантные семантические параметры, такие как тип ситуации и тип говорящего, определяющие обязательность согласования, а также обсуждаются дискурсивные условия, при которых возникает факультативное согласование. В заключение приводятся основные выводы о свойствах личных глагольных показателей.

1. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ И ГЛАГОЛЬНЫЕ СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ

Сначала кратко рассмотрим общеизвестные факты, связанные с личным согласованием в табасаранском языке. Как показано уже в [Магометов 1965; Ханмагомедов 1970; Генко 2005; Кибрик, Селезнев 1982], в табасаранском языке глагол согласуется только с местоимениями первого и второго лица, тогда как местоимение третьего лица не вызывает согласования. Так, в примере (6) показатель *-za* контролируется местоимением первого лица единственного числа, в примере (7) показатель *-va* указывает на местоименный субъект второго лица единственного числа, а в примере (8) личный показатель отсутствует³.

- (6) *uzu gasul* *в-u¹<г>χ-un-za.*
я Расул PF-<NN>беречь-PFT-1SG
'Я спас Расула'.
- (7) *uvu gasul* *в-u¹<г>χ-un-va.*
ты Расул PF-<NN>беречь-PFT-2SG
'Ты спас Расула'.
- (8) *gasul.i murad* *в-u¹<г>χ-nu.*
Расул(ERG) Мурад PF-<NN>беречь-PFT
'Расул спас Мурада'.

Глагольные личные маркеры по своему происхождению являются местоимениями, сохраняя до настоящего времени очевидную связь с ними. Они дублируют форму местоимения, контролирующего согласование, включая также и его падежное оформление. В сел. Межгюль инвентарь личных местоимений включает пять единиц: два в единственном числе и три во множественном, см. (9).

(9)	SG	PL	
1	<i>uzu</i>	INCL	<i>uxu</i>
		EXCL	<i>uʃu</i>
2	<i>uvu</i>		<i>uʃu</i>

Падежная парадигма местоимений в целом имеет тот же набор форм, что и парадигма существительных. Местоимения, как и существительные, имеют грамматические падежи (генитив и датив) и характерную для дагестанских языков разработанную систему локативных форм, маркирующих положение или перемещение объекта по отношению к выбранному ориентиру.

Единственным отличием местоименной парадигмы является неразличение форм номинатива и эргатива. В целом табасаранский язык является морфологически эргативным, то есть субъект непереходного глагола и объект переходного глагола здесь немаркированы, а субъект переходного глагола оформляется эргативным падежом. Однако у местоимений для выражения всех трех основных грамматических ролей (субъект и объект переходного глагола, субъект непереходного глагола) используется немаркированная основа. Ср. оформление субъекта переходного глагола *ap'uz* 'делать' и субъекта

³ Обсуждение того, следует ли данную ситуацию рассматривать как отсутствие согласования или же как нулевое согласование, см. в [Кибрик, Селезнев 1982].

непереходного глагола *vu¹z* ‘приходить’ у существительных, примеры (10)–(11), и местоимений, примеры (12)–(13).

- (10) *gasul.i dumu в-ар’-nu.*
 Расул(ERG) это PF-делать-PFT
 ‘Расул это сделал’.
- (11) *gasul ва-f-nu.*
 Расул PF-приходить-PFT
 ‘Расул пришел’.
- (12) *uzu dumu в-ар’-un-za.*
 я это PF-делать-PFT-1SG
 ‘Я это сделал’.
- (13) *uzu ва-f-un-za.*
 я PF-приходить-PFT-1SG
 ‘Я пришел’.

В первом приближении морфология глагольного согласования устроена достаточно просто: к финитной глагольной словоформе присоединяется форма местоимения первого или второго лица с усеченной начальной гласной. Причем ограничений на согласование, связанных с ролью или падежным маркированием местоимения, не существует, то есть согласование при глаголе может контролировать практически любая местоименная форма. Примеры местоименных падежных форм и соответствующих им глагольных согласовательных показателей см. в таблице 1 (о распределении вариантов номинативного показателя см. ниже).

Таблица 1

Местоимения и согласовательные показатели 2sg

	‘ты’	глагольный аффикс 2sg	примеры
NOM	<i>uvu</i>	<i>-va -vu</i>	(14), (15)
DAT	<i>uvu-z</i>	<i>-vu-z</i>	(16)
APUD(-ESS)	<i>uvu-x</i>	<i>-vu-x</i>	(17)
POST(-ESS)	<i>uvu-q</i>	<i>-vu-q</i>	(18)
APUD-LAT	<i>uvu-x-na</i>	<i>-uvu-x-na</i>	(19)
APUD-LAT-DIR	<i>uvu-x-in-ži</i>	<i>-vu-x-in-ži</i>	(20)

- (14) *uvu dumu ар’-ur-va.*
 ты это делать-FUT-2SG
 ‘Ты сделаешь это’.
- (15) *uvu ka<г>c’-un-vu.*
 ты <NN>пачкаться-PFT-2SG
 ‘Ты испачкался’.
- (16) *durar.i uvu-z nik: tuv-un-vu-z.*
 они(ERG) ты-DAT молоко давать-PFT-2SG-DAT
 ‘Они дали тебе молока’.
- (17) *uvu-x k’ak’ar x-a-vu-x.*
 ты-APUD нож APUD-быть-2SG-APUD
 ‘У тебя с собой есть нож’.
- (18) *bal.i uvu-q qra¹q-u¹r-vu-q.*
 мальчик(ERG) ты-POST слушать-FUT-2SG-POST
 ‘Мальчик будет тебя слушаться’.
- (19) *gasul.i uvu-x-na ва-f-un-vu-x-na.*
 Расул(ERG) ты-APUD-LAT PF-приходить-2SG-APUD-LAT
 ‘Расул приходил к тебе’.

- (20) žaq'-ar uvu-x-in-ži t'i<r>χ-ur-vu-x-in-ži.
 птица-PL ты-APUD-LAT-DIR <NN>лететь-FUT-2SG-APUD-LAT-DIR
 'Птицы прилетят к тебе'.

Как видно из примеров (14) и (15), при непереходном глаголе используются два разных субъектных показателя: с конечным гласным *-a* или же с конечным гласным *-и*. Такое расщепленное маркирование субъекта непереходного глагола характерно для всех говоров южного наречия (см. [Магометов 1965; Ханмагомедов 1970; Кибрик 2003; Генко 2005]) и имеет семантическую мотивацию. Показатели с конечным *-a* обозначают агентивный субъект при глаголах типа 'идти', 'бежать', 'работать' (тот же показатель используется для маркирования субъекта переходного глагола), тогда как показатели с конечным *-и* указывают на субъект, не контролирующий протекание ситуации (например, при глаголах 'падать', 'заблудиться', 'гореть', 'умирать'). Ряд глаголов допускает параллельное употребление обоих показателей, обычно с соответствующим различием в семантике (например, 'падать случайно' и 'падать нарочно').

Особенностью, отличающей табасаранский язык от других нахско-дагестанских языков, является то, что глагол имеет две морфологические согласовательные позиции: если в предложении имеется два аргумента первого и второго лица, то при определенных условиях глагол может принимать два личных показателя, контролируемых этими местоименными аргументами:

- (21) uzu uvu k-u<r>χ-un-za-vu.
 я ты PF-<NN>беречь-PFT-1SG-2SG
 'Я тебя спас'.

2. ТИПЫ ЛИЧНОГО СОГЛАСОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Как показано в существующей литературе [Кибрик, Селезнев 1982], личное согласование в табасаранском языке бывает двух типов: обязательное и факультативное. В первом приближении тип согласования определяется синтаксической ролью местоимения-контролера. В говоре сел. Межгюль личное местоимение первого или второго лица в позиции субъекта всегда вызывает глагольное согласование, независимо от его семантической роли и, соответственно, падежа, которым оформляется субъектный аргумент. Так, например, согласовательным аффиксом маркируется агентивный субъект при переходном глаголе (22), дативный субъект экспериенциального предиката (23) и локативный субъект при глаголе 'мочь' (24); отсутствие согласовательного показателя при глаголе делает эти предложения неграмматичными.

- (22) uzu rasul k_oč'al k-ap'-un-za || *k-ap'-nu.
 я Расул обман PF-делать-PFT-1SG PF-делать-PFT
 'Я обманул Расула'.
- (23) uzu-z ku<r> k-aq:-un-zu-z || *k-aq:-nu.
 я-DAT заяц PF-<N>видеть-PFT-1SG-DAT PF-<N>видеть-PFT
 'Я увидел зайца'.
- (24) uz-x-an ku<r> b-is-uz šul-zu-x-an || *šul-u.
 я-APUD-ELAT заяц N-хватать-INF мочь-1SG-APUD-ELAT мочь-COP
 'Я могу поймать зайца'.

Этот тип согласования в [Кибрик, Селезнев 1982] был назван синтаксическим в отличие от необязательного, семантического, согласования. В дальнейшем, в разделе, посвященном семантике, мы вернемся к этому типу и покажем, что иногда, в достаточно специфических контекстах, обязательность субъектного согласования может нарушаться.

В отличие от субъекта, местоимение, занимающее позицию второго аргумента, может как контролировать согласование при глаголе, так и обходиться без него. Как вид-

но из следующих примеров, наличие согласования с не-субъектным аргументом или его отсутствие не влияет на грамматичность предложения: оба варианта признаются допустимыми. Ниже мы подробно рассмотрим условия, при которых возникает не-субъектное согласование.

- (25) *gasul.i uzu-z k_očal в-ар'-nu || в-ар'-un-zu-z.*
 Расул(ERG) я-DAT обман PF-делать-PFT PF-делать-PFT-1SG-DAT
 'Расул меня обманул'.

Совмещение обоих возможных типов согласования происходит в том случае, если в предложении оба аргумента являются личными местоимениями. Поскольку согласование со вторым личным аргументом факультативно, и в этом случае возможны два варианта: только (обязательное) согласование с субъектным аргументом (26) и одновременное согласование с обоими личными аргументами (27).

- (26) *uzu uvu в-uⁱ<г>χ-un-za.*
 я ты PF-<NN>беречь-PFT-1SG
 'Я тебя спас'.
- (27) *uzu uvu в-uⁱ<г>χ-un-za-vu.*
 я ты PF-<NN>беречь-PFT-1SG-2SG
 'Я тебя спас'.

Следует отметить, что, хотя в устной речи согласование с не-субъектным аргументом (как при личном субъекте, так и при субъекте третьего лица) – явление нередкое, в принципе оно не предсказуемо, в том смысле что нет каких-либо формальных средств, которые его бы «предвещали». Интересно также и то, что в подавляющем большинстве случаев носители языка практически не улавливают каких-либо смысловых различий между предложениями типа (26) только с субъектным согласованием и предложениями типа (27), где глагол имеет два личных показателя.

Отметим при этом, что двойное согласование невозможно в рефлексивных конструкциях, где оба аргумента выражены одним и тем же местоимением (ср. «запрет на рефлексив» в [Кибрик, Селезнев 1982]):

- (28) **uzu uzu в-uⁱ<г>χ-un-za-zu.*
 я я PF-<NN>беречь-PFT-1SG:AG-1SG:PAT
 'Я спасся'.

Личное согласование выглядит еще более интригующим, если принять во внимание тот факт, что в говоре сел. Межгюль, как и во многих других табасаранских говорах, наблюдаются существенные ограничения на двойное согласование: оно возможно только в том случае, когда субъектом является первое лицо, и, напротив, запрещено при субъекте второго лица. Иными словами, если в комбинации лиц 1–2 согласование с двумя местоимениями разрешено, а в некоторых случаях является и более предпочтительным, то в сочетании лиц 2–1 возможно только субъектное согласование, а согласование с не-субъектным аргументом полностью отвергается:

- (29) *uvu uzu-z k_umek ар'-ur-va(*-zu-z).*
 ты я-DAT помощь делать-FUT-2SG:AG-(1SG-DAT)
 'Ты мне поможешь'.

Этот факт табасаранского личного согласования был впервые зафиксирован в работе [Кибрик, Селезнев 1982], где было предложено его морфологическое объяснение, а именно: показатель субъекта первого лица размещается в первой морфологической позиции в глагольной словоформе, тогда как субъект второго лица, равно как и не-субъектные аргументы, занимает вторую морфологическую позицию. Тем самым двойное согласование при субъекте второго лица оказывается невозможным, поскольку оба по-

казателя в этом случае вступают в конфликт, претендуя на один и тот же согласовательный слот. Приоритет в этом конфликте имеет субъектный показатель, имеющий обязательный характер. Для того чтобы выяснить, насколько хорошо морфологический подход объясняет это ограничение, в следующем разделе мы более подробно рассмотрим морфологию согласовательных аффиксов в межгюльском говоре.

3. МОРФОЛОГИЯ ЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Приведенные выше примеры показывают, что глагол имеет две морфологические позиции, поскольку способен принимать не более двух согласовательных аффиксов. Наличие в глаголе двух морфологических ячеек дает возможность трех вариантов размещения аффикса в глагольной словоформе: (а) личный показатель находится в первой позиции, (б) личный показатель занимает вторую позицию при незаполненной первой позиции, и (в) личные показатели заполняют обе позиции.

Для того чтобы продемонстрировать, в какой позиции находится тот или иной согласовательный аффикс, очевидно, необходимо проверить его морфологическую сочетаемость с другими показателями. Если за каким-либо согласовательным аффиксом находится другой согласовательный показатель, то этот аффикс находится в первой позиции. Если этот же маркер также и не «пропускает вперед» никакой другой, то показатель уже по двум параметрам попадает в первую позицию. Наоборот, если маркер не допускает последующего аффикса и в то же время может следовать за другим, то он находится во второй морфологической позиции. Однако такого рода процедура возможна не со всеми личными маркерами, поскольку некоторые согласовательные показатели не сочетаются ни с какими другими, следовательно, позицию таких показателей напрямую установить невозможно.

Таким способом легко установить, что субъектный показатель первого лица занимает первую позицию, а не-субъектный маркер второго лица – вторую; обратный порядок невозможен:

- (30) a. uzu uvu-z kümek ap'-ur-za-vu-z.
 я ты-DAT помощь делать-FUT-1SG-2SG-DAT
 b. *uzu uvu-z kümek ap'-ur-vu-z-za.
 я ты-DAT помощь делать-FUT-2SG-DAT-1SG
 'Я тебе помогу'.

Сложнее обстоит дело с не-субъектными показателями первого лица и субъектными показателями второго лица, поскольку вследствие описанных выше запретов на двойное и рефлексивное согласование невозможно с определенностью установить, в какой позиции находятся эти показатели⁴.

Тем не менее можно привести аргументы в пользу того, что не-субъектные показатели первого лица, как и не-субъектные показатели второго лица, занимают вторую морфологическую позицию. Основной аргумент основан на том, что пациентивные показатели первого лица -zu (1SG), -xi (1INCL) и -či (1EXCL) используются для обозначения как объекта переходного глагола, так и субъекта некоторых непереходных глаголов (см. выше). С одной стороны, субъектные пациентивные показатели ведут себя аналогично агентивным, то есть допускают последующий не-субъектный показатель, что говорит о том, что субъектные пациентивные показатели также находятся в первой морфологической позиции:

- (31) uzu uvu-x-na k-uš-un-za-vu-x-na.
 я ты-APUD-LAT PF-<NN>уходить-PFT-1SG:AG-2SG-APUD-LAT
 'Я пошел к тебе'.

⁴ Напомним, что в [Кибрик, Селезнев 1982] сам этот запрет интерпретируется как следствие того, что и субъектный показатель второго лица, и не-субъектный показатель первого лица находятся во второй позиции.

- (32) *uzu uvu-x-na k-aq-un-zu-vu-x-na.*
 я ты-APUD-LAT PF-<NN>падать-PFT-1SG:PAT-2SG-APUD-LAT
 'Я упал к тебе'.

Однако не-субъектные пациентивные показатели не допускают таких комбинаций:

- (33) *p:ar:i uzu uvu-z tuv-ur-zu(*-vu-z).*
 папа(ERG) я ты-DAT дать-FUT-1SG:PAT-2SG-DAT
 'Папа выдаст (замуж) меня за тебя'.

Пример (32) показывает, что сочетание пациентивного показателя с не-субъектным показателем в принципе возможно. Следовательно, запрет на двойное согласование в (33), по-видимому, обусловлен морфологическими ограничениями, а именно: пациентивный несубъектный показатель занимает вторую морфологическую позицию. Пример (33) показывает также, что этот показатель находится во второй позиции даже при субъекте третьего лица, когда первая позиция остается незаполненной.

Совершенно по-иному ведут себя субъектный номинативный показатель второго лица, а также субъектные показатели, кодируемые косвенными падежами. Морфологическое поведение этих показателей не удастся однозначно установить с помощью предложенной выше процедуры. С одной стороны, они не способны сочетаться с каким-либо последующим аффиксом:

- (34) *uvu uzu-z kũmek ap'-ur-va(*-zu-z).*
 ты я-DAT помощь делать-FUT-2SG:AG(-1SG-DAT)
 'Ты мне поможешь'.
- (35) *uzu-z uvu gund-u-zu-z(*-vu).*
 я-DAT ты хотеть-COP-1SG-DAT(-2SG:PAT)
 'Я тебя люблю'.
- (36) *uz-x-a uvu d-is-uz řul-z-x-a(*-vu).*
 я-APUD-ELAT ты NN-ЛОВИТЬ-INF мочь-1SG-APUD-ELAT(-2SG:PAT)
 'Я могу поймать тебя'.

Одно из возможных решений состоит в том, чтобы считать, что эти показатели занимают вторую морфологическую позицию, как и было предложено в [Кибрик, Селезнев 1982]. Сложность, однако, заключается в том, что в диалекте отсутствуют и примеры, однозначно показывающие, что аффиксы занимают именно последнюю ячейку, поскольку субъектные показатели второго лица и косвенные субъектные показатели не пропускают вперед никакие другие личные маркеры:

- (37) **uvu uzu-z kũmek ap'-ur-zu-z-va.*
 ты я-DAT помощь делать-FUT-1SG-DAT-2SG:AG
 'Ты мне поможешь'.
- (38) **uzu-z uvu gund-u-vu-zu-z.*
 я-DAT ты любить-COP-2SG:PAT-1SG-DAT
 'Я тебя люблю'.
- (39) **uz-x-a uvu d-is-uz řul-vu-z-x-a.*
 я-APUD-ELAT ты NN-ЛОВИТЬ-INF мочь-2SG:PAT-1SG-APUD-ELAT
 'Я могу тебя поймать'.

Мы предлагаем считать, что все субъектные показатели, в том числе и показатель второго лица, и неноминативные субъектные показатели, занимают первую морфологическую позицию. Ограничения же на сочетаемость с последующими личными маркерами первого лица в этих случаях вызваны не морфологическими факторами, а семантическими причинами, которые мы постараемся продемонстрировать ниже.

Таким образом, при данной интерпретации личные показатели в говоре сел. Межгюль строго распределены по морфологическим позициям в зависимости от синтакси-

ческой роли. Первая позиция обязательно заполняется субъектным показателем, вторая же позиция факультативно заполняется не-субъектным показателем.

Прежде чем мы перейдем к дальнейшему анализу и попытаемся выявить семантику согласования, рассмотрим вопрос о том, связано ли личное согласование с информационной структурой предложения.

4. СОГЛАСОВАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Известно, что в ряде языков факультативность согласовательных показателей, в частности не-субъектных, может быть связана с коммуникативным членением информации в предложении. Так, в работе [Nikolaeva 2001] показано, что в мансийском языке объектный согласовательный показатель возникает только в том случае, когда объект находится в топике высказывания. Рассмотрим, наблюдается ли взаимосвязь между информационной структурой предложения и использованием личных согласовательных показателей в табасаранском.

Прежде всего следует отметить, что субъектное согласование – вполне ожидаемо – ведет себя нейтрально по отношению к тому, находится ли личный субъектный аргумент в топикальной или фокусной части предложения. Ср. следующие примеры:

Аргументный фокус на субъекте

- (40) a. šli vi-b-ik'-nu kavaz?
 кто:ERG PF-N-писать-PFT письмо
 'Кто написал письмо?'
 b. uzu kavaz vi-b-ik'-un-za.
 я письмо PF-N-писать-PFT-1SG:AG
 'Я написал письмо'.

Субъект входит в топикальную часть предложения

- (41) a. fu uvu b-ik'-ura-va?
 что ты N-писать-PRS-2SG:AG
 'Что ты пишешь?'
 b. uzu mam.i-z kavaz b-ik'-ura-za.
 я мама-DAT письмо N-писать-PRS-1SG:AG
 'Я пишу письмо маме'.

Применение подобных тестов к факультативному согласованию с не-субъектным аргументом также не дает результатов. Такое согласование возможно как в том случае, когда аргумент топикален, так и в том случае, когда он в фокусе. Например, в (42) не-субъектное местоимение является топиком предложения, в (43) оно входит в фокус, поскольку предложение является тетическим.

- (42) a. uzu šli a<r>g-ur-a-ji?
 я кто:ERG <NN>искать-CONV-PRS-IPFT
 'Кто меня искал?'
 b. mag.i a<r>g-ur-a-ji-vu.
 Мага(ERG) <NN>искать-CONV-PRS-IPFT-2SG:PAT
 'Мага тебя искал'.
 (43) (Ребенок вбегает в дом и кричит маме:)
 мама, a'hmed.ži k-u<r> ċ:-un-zu!
 мама Ахмед(ERG) PF-<NN>бить-PFT-1SG:PAT
 'Мама, Ахмед меня побил!'

Хотя ситуация, в которой возникает двойное согласование, чаще всего связана с топикальным статусом обоих личных аргументов, эта закономерность не является абсо-

лутной. По крайней мере, в нашем корпусе имеются примеры, показывающие возможность двойного согласования при фокусируемом субъекте:

(44) (Когда я приду из школы, кто откроет мне дверь?)

uzu	t'ap'-ur-za-vu-z,	uzu	χ _o la	šul-za.
я	<N>открывать-FUT-1SG:AG-2SG-DAT	я	дом(IN)	стать:FUT-1SG:AG

‘Я открою тебе, я буду дома’.

Кроме того, одинаковые с точки зрения информационной структуры высказывания допускают оба варианта согласования – только субъектный показатель или согласование с двумя личными аргументами, как в примере (45), где задан контекст, предполагающий топиальность обоих аргументов:

(45) (Что ты мне вчера купила в магазине?)

uzu	uvu-z	bulušk:a	kadaк-un-za(-vu-z).
я	ты-DAT	платье	<N>купить-PFT-1SG:AG-2SG-DAT

‘Я тебе купила платье’.

Таким образом, как видно, субъектные и не-субъектные показатели в целом ведут себя одинаково по отношению к информационной структуре предложения и их появление не зависит от вхождения в тот или иной ее компонент.

5. СЕМАНТИКА ЛИЧНОГО СОГЛАСОВАНИЯ

Как уже было сказано выше, в подавляющем большинстве контекстов субъектное согласование является обязательным, а его отсутствие приводит к неграмматичности предложения. Однако существует ряд случаев, когда согласование с личным субъектом не только не обязательно, но и вообще запрещено. Наиболее важными в этом отношении являются предложения, в которых говорящий передает чужие слова, то есть косвенная речь. Не описывая здесь конструкции с косвенной речью во всей полноте, мы коснемся лишь отдельных, наиболее значимых для понимания природы согласования, свойств этих конструкций.

5.1. Передача чужой речи в табасаранском языке

Поведение согласовательных показателей в конструкциях с косвенной речью (типа *Мама сказала, что папа уехал*) коренным образом отличается от того, что мы наблюдали в простом предложении.

В табасаранском языке чужая речь передается при помощи сложноподчиненных предложений, в которых главная клауза возглавляется глаголом речи или мысли и передает исходную ситуацию произнесения исходным говорящим (*Мама сказала*), а придаточная клауза передает те слова, которые этот исходный говорящий произнес (*папа уехал*). При этом вся сложноподчиненная конструкция произносится участником, которого можно обозначить как «текущий говорящий». Наличие двух говорящих в ситуации передачи речи и приводит к кардинальным различиям в личном согласовании между простым предложением и конструкциями с косвенной речью.

В этих конструкциях интерес для нас представляет прежде всего поведение личных показателей в придаточной клаузе. Употребление личных показателей здесь зависит от того, каким образом участник передаваемой ситуации (*папа уехал*) соотносится с речевой ситуацией, названной в главной клаузе (*мама сказала*)⁵. Показатель первого

⁵ Речевую ситуацию, вводимую глаголом речи в главной клаузе, мы вслед за [Aikhenvald 2011] будем называть «исходным речевым актом» («original speech act»), а ее участников, соответственно, «исходным говорящим» и «исходным слушающим». Ситуацию передачи исходного речевого акта мы будем называть «текущим речевым актом» («current speech act»), в котором, соответственно, участвуют «текущий говорящий» и «текущий слушающий». Для исходного гово-

лица при глаголе в придаточной клаузе возможен только в том случае, если участником ситуации является сам исходный говорящий. Показатель второго лица, в свою очередь, возникает только тогда, когда участник ситуации является адресатом исходного говорящего. Иными словами, личные показатели в конструкциях с косвенной речью используются только тогда, когда исходный говорящий в исходном речевом акте сообщает нечто о себе или своем собеседнике. Так, в примере (46) человек по имени Расул является одновременно и исходным говорящим, и участником ситуации зависимой клаузы. Совпадение этих функций и маркируется показателем первого лица.

- (46) *gasul.i* *ka-p-nu* *uzu* *maħačk:al.i-z* *aʕ-ru-za* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT я Махачкала-DAT уходить-FUT-1SG CIT
 'Расул сказал, что поедет в Махачкалу'.

В примере (47) участник ситуации придаточной клаузы является одновременно и адресатом исходного говорящего, что и приводит к появлению показателя второго лица в зависимой клаузе.

- (47) *gasul.i* *ka-p-nu* *mag.i-z* *uvu* *šahr.i-z* *aʕ-ru-va* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT Мага-DAT ты город-DAT уходить-FUT-2SG CIT
 'Расул сказал Маге, что Мага поедет в город'.

Тот же принцип действует с не-субъектными личными аргументами. В случае если исходный говорящий или его адресат является не-субъектным аргументом зависимой ситуации, он обязательно маркируется в придаточной клаузе личным показателем. Так, в (48) показатель первого лица указывает на то, что целью движения субъекта ситуации является сам исходный говорящий, а в (49) показатель второго лица указывает на исходного слушающего как цель движения. Отметим, что такое поведение не-субъектных показателей прямо противоположно стратегии личного маркирования в простом предложении, где согласование со вторым аргументом всегда факультативно.

- (48) *gasul.i* *ka-p-nu* *maga* *kuʕ-ru-zu-x-na* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT Мага приходить-FUT-1SG:APUD-LAT CIT
 'Расул сказал, что Мага к нему <Расулу> придет'.
- (49) *gasul.i* *ka-p-nu* *magi-z* *aʕħmed* *kuʕ-ru-vu-x-na* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT Мага-DAT Ахмед приходить-FUT-2SG-APUD-LAT CIT
 'Расул сказал Маге, что Ахмед к нему <Маге> придет'.

Совершенно иначе маркируется участник придаточной клаузы, если им является текущий говорящий. Если текущий говорящий не задействован в исходном речевом акте (то есть не является ни исходным говорящим, ни исходным слушающим), то показатель первого лица при глаголе запрещен, несмотря на то что в придаточной клаузе присутствует местоимение первого лица. См. пример (50), где текущий говорящий выступает в роли субъекта и, хотя в зависимой клаузе использовано местоимение *uzu*, личный маркер при глаголе отсутствует.

- (50) *gasul.i* *ka-p-nu* *uzu* *maħačk:al.i-z* *aʕ-ru* *k'uri.*
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT я Махачкала-DAT уходить-FUT CIT
 'Расул сказал, что я поеду в Махачкалу'.

рящего мы будем также использовать термин «концептуализатор (ситуации в зависимой клаузе)» в тех случаях, когда нам важно подчеркнуть, что именно этот участник ответственен за языковое оформление ситуации зависимой клаузы.

Появление личного показателя при глаголе с неизбежностью заставляет интерпретировать местоимение зависимой клаузы и всю ситуацию в целом как относящуюся к исходному говорящему, аналогично примеру (46) выше.

Та же ситуация с местоимением второго лица. Если референтом его является текущий слушающий, то местоимение не согласуется с глаголом и личного показателя при глаголе не возникает, ср. пример (51):

- (51) *rasul.i* *ka-p-nu* *mag.i-z* *uvu* *šahr.i-z* *aʕ-ru* *k'uri*.
 Расул(ERG) PF-говорить-PFT Мага-DAT ты город-DAT уходить-FUT CIT
 'Расул сказал Маге, что ты поедешь в город'.

Подобные примеры показывают, что в конструкциях с косвенной речью появление личных показателей связано не с формальным наличием в предложении местоимений первого или второго лица, а со свойствами того референта, к которому относится местоимение. Глагол имеет при себе личный показатель первого лица тогда и только тогда, когда участник, которого обозначает местоимение, – субъектный или не-субъектный, – совпадает с источником информации. Примечательно также то, что участник маркируется личным показателем второго лица, только если он является исходным слушающим, то есть попадает в поле зрения исходного говорящего и контактирует с ним. Тем самым личное согласование в табасаранском языке имеет логофорическую природу. Следует особо отметить, что табасаранский язык реализует уникальную, насколько нам известно, стратегию маркирования участников исходного речевого акта: показатели первого и второго лица являются логофорическими и при этом выражаются не свободными местоимениями, а глагольными аффиксами. В известных нам обзорах логофорических систем [Bhat 2007: 58–89; Culy 1997; Curnow 2002] упоминается наличие логофорических показателей первого и второго лица, однако в языках с такими системами эти показатели являются местоимениями. С другой стороны, в языках с глагольным маркированием участников исходного речевого акта, как кажется, маркируется только исходный говорящий, но не исходный слушающий.

Предложения с косвенной речью демонстрируют, что функцией личного согласования в табасаранском языке является не маркирование субъекта как такового, а маркирование исходного говорящего (или, иначе, концептуализатора ситуации) и объясняют, почему согласование с субъектом обязательно в простом предложении, где роли концептуализатора ситуации и текущего говорящего совмещены. Во всех этих случаях субъектное согласование оказывается как бы грамматикализированным вследствие того, что говорящий одновременно является и источником информации (концептуализатором), и участником описываемой ситуации.

5.2. Отсутствие согласования в простом предложении

Помимо сложноподчиненных предложений с косвенной речью, нам удалось обнаружить еще несколько контекстов, в которых субъектное личное местоимение также не имеет согласовательного показателя при глаголе. По формальным признакам эти случаи можно разделить на три типа в зависимости от того, какая глагольная форма используется в предложении.

В первом типе контекстов употребляется глагольная форма с отрицательным показателем имперфекта *-daji*. См. пример (52), где этот показатель выступает в исходном своем значении:

- (52) *duvu* *dumu* *ka-ap'-un-daji*.
 он:ERG это PF-делать-PFT-IPFT:NEG
 'Он это не делал'.

Однако в интересующих нас употреблениях эта форма теряет исходную семантику отрицания и используется для создания семантического эффекта, который можно

условно обозначить как «контекст напоминания», то есть контекст, в котором говорящий напоминает или повторяет слушающему то, что он уже говорил ему или делал для него ранее.

- (53) (Куда ты убрала мои вещи?)

škaf.ʒi-z kada-k-un-za, uzu uvu-z ulup-un-daji.
шкаф-DAT <NN>брать-PFT-1SG:AG я ты-DAT показать-PFT-IPFT:NEG
'В шкаф их убрала, я же тебе показывала'.

- (54) (Ребенок жалуется маме, что у него болит живот. Мама ему отвечает:)

uzu uvu-z ka-p-un-daji čgu alač-ir m-it'a k'uri.
я ты-DAT PF-говорить-PFT-IPFT:NEG зеленый алыча-PL PRON-<NN>есть CIT
'Я же тебе говорила, чтобы ты не ел зеленую алычу'.

Второй тип контекстов семантически близок к первому и тоже может быть назван контекстом напоминания. Разница между ними состоит лишь в том, что в первом случае, с точки зрения говорящего, слушающий не знает информации по своей вине, поскольку он игнорировал действия или слова говорящего, сказанные ранее, тогда как во втором типе контекстов говорящий напоминает слушающему такую информацию, которую, с его точки зрения, слушающий забыл неосознанно, не по своей воле.

В этом типе предложений предикат оформляется деепричастием в сочетании с частицей *fu* и связочным глаголом. Диахроническое происхождение этой формы остается не до конца ясным. Но в отличие от первого типа, где глагольная форма в других контекстах способна принимать личный показатель и вместе с тем функционировать как отрицательная форма, эта глагольная форма в принципе не допускает согласовательного маркера.

- (55) (Когда ты мне вернула эту книгу?)

četverg.ʒi ka-b>χ-un-za, k' a-ʔ-la ka-uš-un-ev,
четверг(ERG) PF-<N>носить-PFT-1SG голова-IN-ELAT PF-<N>уходить-PFT-2SG:GEN
uzu uvu-x-na ka-f-i fu-vu(*-za).
я ты-APUD-LAT PF-идти-CONV PTCL-COP(-1SG)
'В четверг принесла, ты забыл? Я же к тебе заходила'.

- (56) madina pani kitab, uzu uvu-x-na paq' tuv-u fu-vu(*-za).
Мадина где книга я ты-APUD-LAT вчера давать-CONV PTCL-COP(-1SG)
'Мадина, где книжка? Я тебе ее вчера дала'.

Наконец, третий тип контекстов примечателен тем, что в нем возможно использование обычной финитной формы, у которой, однако, отсутствует согласовательный показатель и которая ведет себя так же, как формы, рассмотренные выше. Ср. следующий пример из сказки, в котором согласовательный показатель отсутствует сразу в двух клаузах с личным субъектом первого лица:

- (57) lig, uzu uvu-si gaq:ʔ-ura, uzu uvu-q-na
<NN>смотреть-IMP я ты-словно <NN>видеть-PRS я ты-POST-LAT
ka-uš-u-g ka-x-nu.
PF-<NN>идти-NN PF-<NN>стать-PFT
'Посмотри, я выгляжу совсем как ты. Я стала похожа на тебя'.

Таких примеров в нашем корпусе немного, и все они, очевидно, дискурсивно сильно маркированы. Форма без личного согласования, по-видимому, используется в тех случаях, когда основная цель говорящего состоит не просто в описании происходящей ситуации, а в привлечении внимания к результату, к которому данная ситуация привела. Для объяснения такого рода контекстов отчасти подходит противопоставление между ситуацией и фактом. Семантическая разница между ними обычно демонстрируется на примерах типа русск. *Я видел, как ты убежал* и *Я видел, что ты убежал*. В первом случае субъект восприятия сообщает о наблюдаемой им ситуации, развернутой во вре-

мени и пространстве, на что указывает союзе *как*. Во втором же примере исходная ситуация представляется уже не как процесс, наблюдаемый субъектом, а как результат ментальной ее обработки субъектом, на что указывает союз *что*. По нашему мнению, приведенный выше фрагмент может быть интерпретирован в таком же смысле: сказанное субъектом речи является не описанием ситуации как таковой, а итогом осмысления субъектом увиденного, факт, возникший в результате мыслительной работы субъекта.

На первый взгляд, два первых контекста семантически отличаются от третьего типа и единого объяснения, почему в этих случаях отсутствует согласование с личным субъектом, не находится. Тем не менее именно на основе этих примеров выделяется еще один семантический параметр, который определяет употребление субъектного согласования.

В первых двух типах контекстов, которые мы условно обозначили как контекст напоминания, характер ситуации, которую описывает предложение, не маркированное личным согласованием (типа *я тебе уже говорил*), по сути, близок к фактивному. В них говорящий представляет не столько ситуацию, в которой он принимал участие, а сам факт того, что такая ситуация уже имела место. Иными словами, говорящий в дискурсивных фрагментах такого рода акцентирует внимание на том, что ситуация, к которой он обращается (типа *я тебе уже говорил*), извлечена из его «ментального фонда» и есть результат «накопления» повторяющихся действий.

Таким образом, сопоставление конструкций с косвенной речью и обсуждаемых типов простых предложений позволяет сделать вывод, что появление субъектного согласования определяется соотношением двух параметров: типом говорящего и типом ситуации. Как мы видели, говорящий может выступать в двух ипостасях: как первичный источник информации и ее концептуализатор (исходный говорящий в предложениях с косвенной речью) и как вторичный источник информации (текущий говорящий в этих же конструкциях). Тип ситуации определяется тем, как говорящий концептуализирует ее: как имеющую пространственно-временные координаты или же как «ментальную ситуацию». Релевантность этих параметров для субъектного согласования в табасаранском языке демонстрируется таблицей 2.

Таблица 2

Тип говорящего и тип ситуации: субъектное согласование

	ситуация	факт
концептуализатор ситуации (или его адресат)	+	—
вторичный источник информации (или его слушающий)	—	—

Как видно из таблицы, субъектное согласование возникает только тогда, когда соблюдаются оба условия, то есть источник информации или его слушающий являются в то же время участниками пространственно-временной ситуации. Во всех остальных случаях согласование с субъектом отсутствует.

Интересно, что несмотря на то, что обычно в предложениях с косвенной речью исходные говорящий и его адресат, участвующие в ситуации, всегда маркируются согласовательным показателем, при изменении типа ситуации зависимой клаузы согласование с ними блокируется так же, как в простом предложении.

Такого рода примеры хорошо демонстрируют тот факт, что субъектное личное согласование возможно только тогда, когда выполняются оба условия (тип ситуации и тип участника). Ср. следующий пример (58), где нулевое согласование при местоимении

первого лица возникает только потому, что говорящий в придаточной клаузе делает акцент не на ситуации как таковой, а на самом факте, что эта ситуация уже имела место.

(58) (Дядя знает, что ты не сдала экзамен?)

ov, uzu duva-z ka-p-un-za, uzu uxži ka-p-un-daji
 да я он-DAT PF-говорить-PFT-1SG:AG я сразу PF-говорить-PFT-IPFT:NEG
 dumu ekzamen t-ur-da-za k'uri.
 этот экзамен давать-FUT-NEG-1SG:AG CIT
 'Да, я ему сказала, что я ему сразу говорила, что не сдам этот экзамен'.

Таким образом, личный показатель в первой позиции, хотя и выглядит как обязательное согласование с местоименным субъектом, на самом деле таковым не является, поскольку имеет собственную семантику и маркирует определенный тип ситуации, которая разворачивается в пространстве и времени и участником которой является либо источник информации, либо его адресат.

5.3. Согласование со вторым личным аргументом

Напомним, что согласование со вторым личным аргументом в простом предложении является факультативным и возможно в двух случаях. Во-первых, личный аргумент может быть употреблен в предложении с субъектом третьего лица, и тогда в глагольной словоформе присутствует только один личный показатель, см. (59). Во-вторых, он может быть употреблен и в предложении с эргативным или номинативным субъектом первого лица. В этом случае финитный глагол несет два согласовательных маркера и показатель несубъектного аргумента следует за субъектным показателем, как в (60).

(59) (Почему ты плачешь?)

gasul.i k-a^hb-un-zu-z.
 Расул(ERG) PF-ударять-PFT-1SG-DAT
 'Расул побил меня'.

(60) uvu uzu-z kũmek k-ap'-un-dar-a, hamus eb-ur-za-vu-z.
 ты я-DAT помощь PF-делать-PFT-NEG-2SG теперь ударять-FUT-1SG:AG-2SG-DAT
 'Ты мне не помог, теперь я тебя побью'.

Условия возникновения не-субъектного согласования в обоих этих случаях на самом деле имеют одну и ту же природу. Но поскольку второй случай связан с большими ограничениями, рассмотрим их отдельно.

В принципе, не-субъектный личный показатель возникает при тех же условиях, что и субъектный. Это хорошо видно только в конструкциях с косвенной речью, где есть расщепление говорящего на собственно говорящего и концептуализатора, источника информации. Исходные речевые участники (слушающий и говорящий), играя не-субъектную роль в ситуации, всегда обозначаются согласовательным показателем, тогда как участники актуального речевого акта, напротив, никак не маркируются.

Главное отличие не-субъектного согласования в простом предложении состоит в том, что оно определяется тем, каким образом говорящий концептуализирует ситуацию, считает ли он, что ситуация организуется вокруг личной перспективы и данная личная перспектива составляет ее центр. В качестве иллюстрации сравним пары примеров, где в первом случае согласовательный показатель употреблен и считается более предпочтительным, а во втором – согласование отсутствует и подстановка показателя согласования в глагольную форму ведет к ее реинтерпретации.

(61) ũl-ra šid-ra durar.i tuv-un-zu-z, ha^hjvna-ra tuv-un-zu-z.
 хлеб-ADD вода-ADD они(ERG) дать-PFT-1SG-DAT лошадь-ADD давать-PFT-1SG-DAT
 'Накормили меня, напоили меня, коня мне дали'.

(62) uvu-z salam-ar k-ap'-nu durar.i.
 ты-DAT привет-PL PF-делать-PFT они(ERG)
 'Они тебе привет передавали'.

- (63) ža<r>v xaz'ajin.ž'i-x-na, duvu uzu-z uk' uš'-uru.
 <NN>бежать(IMP) хозяин-APUD-LAT он:ERG я-DAT трава <N>косить-FUT
 'Беги к хозяину, он мне накосит травы'.

Как видно, в примере (61) реципиент первого лица маркируется согласовательным показателем. Согласование возникает, поскольку данный участник как бы формирует физический центр ситуации, является ее необходимой частью, без которой она не состоит. Из этого становится ясно, что с точки зрения согласования введение личной перспективы не зависит от того, какую роль играет лицо: является оно субъектом или же вторым участником ситуации. Разница состоит лишь в том, что лицо, будучи субъектом, всегда центрально в ситуации, тогда как второй участник ситуации может находиться на ее периферии. Именно поэтому субъектный показатель обязателен, показатель же согласования со вторым аргументом используется только при определенных семантических условиях. Примеры (62) и (63) демонстрируют эту разницу. Так, в ситуации (62) присутствуют три участника: субъект, посредник, через кого передается привет, и адресат. В самой ситуации передачи приветствия принимают участие только субъект и посредник, адресат же физически отсутствует в ней. Соответственно, здесь адресат просто не может быть центральным участником, поскольку находится за кадром или в лучшем случае на периферии этой ситуации. Согласование с личным адресатом в этом примере закономерно отсутствует, поскольку, с точки зрения говорящего, отсутствует личная перспектива.

Тем не менее согласование с личным аргументом в этом предложении также возможно. При подстановке личного показателя в глагольную форму информант предлагает такую интерпретацию ситуации, при которой адресат является неотъемлемой частью названной ситуации («они о тебе долго говорили, ты был главной темой нашего разговора, и они тебе передавали привет»). Таким образом, определяющей для употребления личного маркера является концептуализация ситуации и роли личного участника в ней.

Аналогичный пример приведен в (63), где отсутствие личного маркера указывает на то, что данный участник ситуации не составляет центральный фрагмент ситуации, а образует ее периферийный элемент. Использование же согласовательного показателя приводит к специфической интерпретации ситуации. В этом случае говорящий подчеркивает, что ситуация кошения травы невозможна без участия первого лица и что первое лицо непосредственно задействовано в ней. В частности, наш информант предлагал такое осмысление ситуации: «я ему заплачу, и он мне накосит травы».

Таким образом, согласование со вторым аргументом, с одной стороны, еще раз показывает, что согласование имеет собственную семантику: оно вводит и маркирует личный центр. С другой стороны, оно демонстрирует, в чем отличие субъекта ситуации от не-субъекта. Как показывает обсуждение приведенных выше примеров, вклад не-субъекта в ситуацию может быть различным и в зависимости от этого ситуация может быть концептуализована двумя разными способами, что отражается в согласовании.

В целом в предложениях с субъектом третьего лица почти все глаголы, независимо от их семантики, способны согласоваться со вторым личным аргументом. Это значит, что практически для любой ситуации, если ее субъектом является третье лицо, может быть задана личная перспектива, то есть лицо может представляться как центр ситуации, даже находясь в не-субъектной позиции. В этом состоит кардинальное отличие предложений с субъектом третьего лица от случаев, когда субъектом является первое или второе лицо.

Интересно, однако, что не все глаголы могут согласоваться со своим не-субъектным аргументом; в говоре сел. Межгюль к таким глаголам относятся 'бояться' и 'стесняться'. Ср. следующие примеры, где согласование со вторым личным аргументом при субъекте третьего лица запрещено.

(64)	gasul.i-z	uz-x-a	guč'-ura	*guč'-ur-z-x-a.
	Расул-DAT	я-APUD-LAT	бояться-PRS	бояться-PRS-1SG-APUD-ELAT
	'Расул боится меня'.			
(65)	gasul.i-z	uz-x-a	pač-ža	*pač-ža-z-x-a.
	Расул-DAT	я-APUD-LAT	стесняться-PRS	стесняться-PRS-1SG-APUD-ELAT
	'Расул стесняется меня'.			

Эти глаголы ведут себя одинаково, видимо, по той причине, что имеют схожую семантику и одинаковую модель управления: первый аргумент маркируется дативом, а второй – апудэлативом. Очевидно, что ограничение на согласование связано именно с тем, как соотносятся участники ситуации с точки зрения их падежно-ролевого маркирования. Отсутствие согласования со вторым аргументом указывает то, что ситуация боязни или стеснения не концептуализуется как ситуация, центром которой является стимул, этот участник всегда остается за кадром. Центральным в этой ситуации может быть только экспериенсер, лицо, являющееся главным ее участником.

В заключение обсуждения еще раз вернемся к проблеме связи личного маркирования и информационной структуры предложения. После того как мы описали семантику несубъектных личных показателей, становится еще более очевидным тот факт, что личное согласование и информационная структура предложения не связаны друг с другом напрямую. Однако мы хотели еще раз остановиться на этой проблеме, поскольку есть один явный случай, когда согласование со вторым личным аргументом (при субъекте третьего лица) коррелирует с информационной структурой предложения. Дело в том, что аргументный фокус на субъекте ситуации создает благоприятные прагматические условия для появления личного показателя при глаголе. Очевидно, это связано с тем, что в таком типе контекстов в самом вопросе задается такая пресуппозиция, что участники ситуации взаимодействовали друг с другом и лицо является неотъемлемой частью ситуации. Цель вопроса заключается в том, чтобы только установить личность субъекта ситуации, благодаря чему создаются предпосылки для того, чтобы представить лицо как центрального участника в ситуации.

Согласование с не-субъектным аргументом при наличии в предложении личного субъекта осложняется тем, что в таком предложении в глаголе уже имеется обязательный личный субъектный показатель. В этом случае маркирование второго участника связано с целым рядом ограничений, определяемых соотношением лица и роли (падежа) актантов. Мы рассмотрим отдельно четыре типа субъекта, которые определяют возможность маркирования при глаголе второго аргумента: (а) номинативный субъект первого лица; (б) номинативный субъект второго лица; (с) дативный субъект первого или второго лица при экспериенциальных глаголах; (d) локативный субъект первого или второго лица.

Как мы определили выше, субъектный согласовательный показатель вводит личный центр и маркирует такую пространственно-временную ситуацию, участником которой является первое или второе лицо, причем первое лицо является к тому же ее концептуализатором. Как мы видели, согласование со вторым аргументом также связано с личным центром. Оно используется в том случае, если лицо является концептуализатором или его адресатом и в то же время составляет центральный кадр ситуации несмотря на то, что играет в ней роль второго участника. Таким образом, возникающие при наличии в предложении двух личных участников ограничения демонстрируют, в каких типах ситуаций, какие участники и каким образом способны организовывать вокруг себя ситуацию.

Наиболее просто согласование со вторым личным аргументом возникает в первом случае, когда субъект ситуации маркируется номинативом и является первым лицом (напомним, что у местоимений не различается эргатив и номинатив, поэтому переходные глаголы также относятся к этому случаю). Если вторым участником ситуации является второе лицо, то при глаголе могут возникать два согласовательных показателя. Следовательно, наиболее оптимальные условия для помещения двух личных участни-

ков в центр ситуации (и появления двух личных показателей при глаголе) возникают там, где есть взаимодействие между первым и вторым лицом, причем статус первого лица выше, поскольку оно выступает в роли субъекта. Рассмотрим следующие примеры и попытаемся продемонстрировать семантику двойного личного маркирования.

- (66) *šeʔ.ru adaš di-d-is-nu k'u-ru, ča uzu-z jav*
 медведь(ERG) отец CONV-NN-хватать-PFT говорить-FUT дай я-DAT твой
beher, qasin uzu uvu deet-ur-za-vu.
 урожай тогда я ты <NN>выпускать-FUT-1SG:AG-2SG:PAT
 'Медведь поймал мужика и говорит: «Отдай мне свой урожай, тогда я тебя отпущу»'.
- (67) A: *ej sul, haz dus-na-va?*
 Эй лиса почему <N>сидеть-RES-2SG
 B: *uduč'-uz šul-da-z-x-a.*
 <N>вылезать-INF мочь-NEG-1SG-APUD-ELAT
 A: *aq'a ča kũmek ap'-ur-za-vu-z*
 затем давай помощь делать-FUT-1SG:AG-2SG-DAT
 '(Волк:) Эй лиса, что сидишь? (Лиса:) Выбраться не могу. (Волк:) – Давай я тебе помогу'.
- (68) *uzu uvu-z kũmek v-ap'-un-za, ɣaš-ra ak'-un-za*
 я ты-DAT помощь PF-делать-PFT-1SG паук-ADD <N>убивать-PFT-1SG:AG
va hamus uvu šuš-ži ɣ-ur-za.
 и теперь ты невеста-ADV нести-FUT-1SG:AG
 'Я тебя спас, паука убил, и теперь я беру тебя в жены'.

Согласование со вторым личным аргументом возникает в целом при тех же семантических условиях, что и при субъекте третьего лица. Ситуация, однако, осложняется тем, что говорящий как субъект действия сам образует центральный кадр ситуации. Если, с точки зрения говорящего (субъекта), второй участник ситуации (его адресат) составляет вместе с ним центральную часть ситуации, то глагол в предложении маркируется двумя личными показателями.

Так, в примере (66) субъектом действия задаются такие условия ситуации, что его действия (отпустить второго участника) зависят только от самого этого второго участника (отдаст он ему урожай или нет). Поэтому взаимодействие между агенсом и пациенсом здесь концептуализуется как центральный и неделимый фрагмент ситуации. Похожим образом интерпретируется пример (67). Главный участник тащит из ямы второго, который в свою очередь прикладывает со своей стороны все усилия, чтобы выбраться (см. предыдущий контекст, реплика второго участника показывает, что лиса сама пыталась вылезти из ямы). Таким образом, центром ситуации опять же являются оба лица в их взаимодействии.

Напротив, в примере (68) тот же самый глагол 'помогать' описывает ситуацию, концептуализованную говорящим иначе. Второй участник ситуации здесь лишен какой-либо инициативы и играет пассивную роль, поэтому остается вне центрального кадра, внимание фиксируется только на первом участнике события, который полностью несет ответственность за протекание ситуации. Ситуация 'я беру тебя замуж' рассматривается не как взаимодействие двух участников, а как ситуация, решенная только субъектом. Соответственно, глагол оформлен только субъектным показателем согласования. Глагольная форма с двойным согласованием допустима в том случае, если ситуация замужества представляется как обоюдное согласие двух сторон, первого и второго участников.

Как видно из этих примеров, условия возникновения двойного согласования в целом имеют дискурсивную природу. Однако можно говорить и о том, что отдельные глаголы, благодаря своей семантике, в большей степени склонны принимать два личных показателя, тогда как для других типов глаголов, напротив, двойное согласование требует более сильного прагматического контекста. Например, появление двойного согласования ничем не затруднено при глаголах контакта, прежде всего глаголах физического воздействия типа 'ударить', 'побить', 'толкнуть', тактильных глаголах типа 'трогать', 'гла-

дить', 'расчесывать', глаголах речевого воздействия и каузации 'шептать', 'кормить'. Очевидно, что глаголы с семантикой взаимодействия в большей степени соответствуют семантике личного глагольного согласования.

Несколько иначе ведут себя непереходные глаголы. Как показывают наши примеры, участники первого и второго лица в ситуации, описываемой непереходным глаголом, часто представляются как отдельные фрагменты ситуации, поскольку глагол в таких предложениях имеет один субъектный показатель.

- (69) *naana-va, dijik sac'ib uzu ža<ɾ>v-ura-za*
 где-2SG <NN>стоять(IMP) немного я <NN>бежать-PRS-1SG:AG
uvu-x-in-ži.
 ты-APUD-LAT-DIR
 'Где ты? – Подожди немного, я бегу к тебе'.

Для возникновения двух показателей при непереходном глаголе необходим такой контекст, где действие первого участника было бы «спровоцировано» вторым участником, как в следующем примере, где второй участник заинтересован в действиях первого.

- (70) *uži a-da-n-a hasätži v-u'r-za-vu-n-na.*
 хорошо (IN)быть-NEG-Q-2SG сейчас приходить-FUT-1SG:AG-2SG-APUD-LAT
 'Тебе плохо? Сейчас я к тебе приду'.

Теперь рассмотрим похожие случаи, но с другой расстановкой лиц, когда второе лицо является номинативным субъектом, а первое играет роль не-субъектного участника. Зеркально противоположное соотношение участников полностью меняет правила согласования. При такой комбинации лиц глагол может иметь только субъектный показатель, согласование же со вторым аргументом блокируется.

- (71) *uvu uzu aχ-ur-va(*-zu).*
 ты я нести-FUT-2SG:AG(-1SG:PAT)
 'Ты меня понесешь'.
 (72) *uvu uzu-z kümek ap'-ur-va(*-zu-z).*
 ты я-DAT помощь делать-FUT-2SG:AG(-1SG-DAT)
 'Ты мне поможешь'.

Такое поведение личных маркеров показывает, что ситуация, где второе лицо является главным участником, не рассматривается как ситуация, центром которой становится взаимодействие участников второго и первого лиц. Источник этого семантического запрета обусловлен несколькими причинами.

Как мы видели, второе и первое лица в позиции субъекта ведут себя одинаково, поскольку всегда маркируются личным показателем при глаголе, то есть задают личный центр ситуации. Однако конфигурация лиц меняется, когда второе лицо играет роль субъекта, а первое лицо занимает место второго участника ситуации. В этом случае второе лицо оказывается в более приоритетной позиции по отношению к первому. С другой же стороны, первое лицо всегда «лидирует», поскольку только оно является концептуализатором ситуации.

Таким образом, в комбинации лиц, где второе лицо выступает в роли субъекта, а первое лицо в роли не-субъектного участника, возникает «весовое противоречие» между лицами: первый аргумент второго лица находится в более престижной ролевой позиции, но не является концептуализатором (в прямом дискурсе концептуализатором является сам говорящий), тогда как первое лицо выполняет менее приоритетную ролевую функцию, но является концептуализатором. Запрет на личный показатель первого лица становится «механизмом» преодоления конфликтной ситуации. Как мы показали выше, такого конфликтного противоречия между лицами не возникает в противоположной ситуации, когда роль субъекта играет первое лицо. Оно, являясь концептуализатором и за-

нимая самую престижную ролевую позицию, обладает эксклюзивным правом вводить дополнительного участника в центральный фрагмент ситуации.

Весовое соотношение между участниками одной и той же ситуации можно формализовать при помощи двух иерархий: иерархии лиц и иерархии синтаксических ролей:

- (i) $1 > 2$ (или концептуализатор $>$ неконцептуализатор);
- (ii) субъект $>$ не-субъект⁶.

Для формализации мы воспользуемся операциями «гармонического выравнивания» (harmonic alignment) и конъюнкции иерархий, применить которые к анализу синтаксических ограничений было предложено в рамках теории оптимальности [Aissen 1999]⁷.

Идея, лежащая в основе гармонического выравнивания, заключается в том, что наиболее высоко ранжированный элемент одной иерархии лучше всего сочетается с наиболее приоритетным элементом второй иерархии, и наоборот, самый низкий элемент на одной иерархии лучше всего «гармонирует» с наименее выделенным элементом другой. Применив эту операцию к иерархиям (i) и (ii), мы получим следующие две производные иерархии:

- (iii) субъект/1 $>$ субъект/2;
- (iv) не-субъект/2 $>$ не-субъект/1.

Применим далее к полученным иерархиям (iii) и (iv) операцию конъюнкции и получим следующее:

- (v) субъект/1 & не-субъект/2 $>$ {субъект/1 & не-субъект/1, субъект/2 & не-субъект/2} $>$ субъект/2 & не-субъект/1.

Таким образом, применение операций гармонического выравнивания к исходным иерархиям и последующей конъюнкции производных иерархий показывает, что наиболее естественным является сочетание субъекта первого лица (концептуализатора) и не-субъекта второго лица. Все же прочие комбинации участников, включая сочетание субъекта второго лица и не-субъекта первого лица (концептуализатора), менее гармоничны. Заметим, что полученное ранжирование комбинаций участников позволяет адекватно отразить как разрешения, так и ограничения на согласование. В говоре сел. Межгюль двойное согласование возможно только в случае наиболее гармоничной комбинации участников, тогда как менее гармоничные сочетания ведут к запрету на двойное согласование⁸.

⁶ В приводимом ниже рассуждении мы для краткости ограничимся рассмотрением предложений с канонически маркированными субъектами (т. е. эргативными или номинативными) и двумя личными участниками. Остальные случаи (глаголы с другой аргументной структурой, предложения с участниками третьего лица) могут быть формализованы аналогичным способом.

⁷ Опираясь на формальный аппарат теории оптимальности, мы тем не менее не проводим анализ полностью в рамках этой теории, в частности, не оперируем ограничениями, упорядоченными в виде иерархии.

⁸ Отметим, что типологически этот запрет не является универсальным, поскольку в языках мира засвидетельствованы и другие механизмы преодоления негармоничности в том или ином соотношении субъекта и объекта. Так, например, в тибето-бирманском языке нокте (Индия) при гармоничном сочетании лиц используется прямая форма глагола, тогда как при негармоничных сочетаниях используется инверсив [Aissen 1999: 705–706] (мы благодарим анонимного рецензента, который привлек наше внимание к этим типологическим параллелям). Более того, и в самом табасаранском языке запрет на двойное согласование при негармоничной комбинации участников соблюдается не везде. Ряд других говоров допускает двойное согласование и в менее гармоничных комбинациях, например при сочетании субъекта второго лица с несубъектом первого, как в говоре сел. Хив.

Запрет на двойное маркирование одного и того же участника в рефлексивных предложениях, по-видимому, можно объяснить исходя из семантики конструкций с двойным согласованием. Как показано выше, в функции личного рефлексива в табасаранском языке выступает то же самое личное местоимение, которое называет субъект, в соответствующем падеже.

- (73) uzu uzu-z в-а¹b-un-za(*-zu-z).
я я-DAT PF-ударять-PFT-1SG:AG(-1SG-DAT)
'Я сам себя ударил'.
- (74) uvu uvu в-u¹<r>χ-un-va(*-vu).
ты ты PF-<NN>беречь-PFT-2SG:AG(-2SG:DAT)
'Ты сам себя спас'.

Двойное личное маркирование, как мы видели, всегда указывает на присутствие двух участников в центре ситуации. Запрет на согласование в рефлексивных предложениях, вероятно, возникает потому, что рефлексивные отношения не рассматриваются как ситуация, где взаимодействуют два участника.

Интересным образом с точки зрения согласования ведут себя экспериенциальные глаголы (типа 'любить', 'видеть', 'слышать', 'знать'), имеющие модель управления <DAT; NOM>. Как и в большинстве случаев, разобранных выше, согласование с субъектом первого и второго лица при экспериенциальных глаголах обязательно. Отличие же их состоит в том, что если вторым участником ситуации является то же лицо, то глагол ни при каких условиях не способен иметь при себе второй личный показатель, даже если субъектом является первое лицо.

- (75) uzu-z uvu gun-žā-zu-z(*-vu).
я-DAT тебя любить-PRS-1SG-DAT(-2SG:DAT)
'Я тебя люблю'.
- (76) uvu-z uzu gun-žā-vu-z(*-zu).
ты-DAT я любить-PRS-2SG-DAT(-1SG:DAT)
'Ты меня любишь'.

Здесь мы, очевидно, вновь имеем дело с тем, что ситуация, вводимая экспериенциальным глаголом, не рассматривается как ситуация взаимодействия двух участников. Этот запрет, видимо, является следствием семантики этих глаголов, описывающих состояние или процесс восприятия субъекта, а не пространственно-временную ситуацию как таковую. Судя по поведению дативного показателя, ситуации типа 'видеть', 'слышать', 'любить' представляются так, что чаще всего центром их является лицо, испытывающее данное состояние, а не взаимодействие двух участников.

Интересно, однако, то, что если в предложении имеется два лица, то некоторые экспериенциальные глаголы все же могут иметь согласовательный показатель, указывающий на второго участника ситуации, однако этот показатель употребляется самостоятельно, вместо субъектного показателя:

- (77) uvu-z uzu в-а¹<r>q:-un-zu.
ты-DAT я PF-<N>видеть-PFT-1SG:DAT
'Ты меня увидел'.
- (78) uzu-z uvu в-е-е<r>x-un-vu.
я-DAT ты PF-<N>слышать-PFT-2SG:DAT
'Я тебя услышал'.

Этот вариант согласования, видимо, достаточно редко встречается в речи, поскольку некоторые из информантов колебались при оценке таких предложений. Тем не менее многие из носителей этого говора разрешают подобные конструкции.

Несмотря на то что такие формы достаточно специфичны, их семантика, как оказалось, вполне предсказуема. Например, с глаголом 'видеть' номинативный личный пока-

затель возможен тогда, когда вклад второго участника в ситуацию значительно больше, то есть когда возможность субъекта увидеть второго участника определяется действиями только второго участника: субъект видит только потому, что второй участник делает все возможное для того, чтобы тот его увидел.

К сожалению, у нас нет хорошего примера из говора сел. Межгюль на такой тип личного маркирования. Здесь можно лишь привести пример из сказки, который нам встретился при работе над диалектом с. Джули. Поскольку согласовательные стратегии в диалектах во многом схожи, то этот пример, как нам кажется, хорошо иллюстрирует сказанное выше.

- (79) uld-ar.i-q-an qi-mi-li<v>g-an, sul d-uf-nu
 OKHO-PL-POST-ELAT POST-PROH-<N>смотреть-IMP лиса CONV-прийти-PFT
 b-is-id-va, izu-s i<v>k-t:ar-va.
 N-хватать-FUT-2SG я-DAT <N>слышать-FUT:NEG-2SG
 'Не выглядывай в окно, лиса придет, тебя схватит, я тебя не услышу'.

Согласование по второму личному аргументу показывает, что ситуация, когда один должен услышать другого, представляется таким образом, что второй участник прикладывает больше усилий, вносит больший вклад, чем первый, для достижения цели: например, он будет изо всех сил звать и кричать, но первый так и не услышит его. Перевес оказывается на стороне стимула, и центр внимания в ситуации перемещается на него, так что он становится более значимым фрагментом в ситуации. Такой тип маркирования (только второго личного аргумента при личном субъекте) возможен не только при экспериенциальных глаголах, но и в других предложениях с таким же падежным маркированием аргументов.

- (80) uvu-z uzu a-vu-z.
 ты-DAT я (IN)быть:PRS-2SG-DAT
 'У тебя есть я'.
 (81) uvu-z uzu a-zu.
 ты-DAT я (IN)быть:PRS-1SG:PAT
 'У тебя есть я'.

Наконец, рассмотрим последний случай с локативным субъектом. В предложении при локативном субъекте глагол может нести только субъектный показатель. Глаголы такого типа не принимают личный показатель, указывающий на второго участника, ни в позиции после субъектного показателя, ни в качестве самостоятельного показателя, как при экспериенциальных глаголах.

- (82) uz-x-a uvu d-isu-s šul-z-x-a || *šul-z-x-a-vu ||
 я-APUD-ELAT ты NN-ловить-INF мочь-1SG-APUD-ELAT мочь-1SG-APUD-ELAT-2SG
 *šul-vu.
 мочь-2SG
 'Я могу тебя поймать'.

Эти примеры еще раз хорошо демонстрируют тот факт, что поведение личных показателей при глаголе зависит от соотношения синтаксических характеристик аргумента и их падежного маркирования. Поскольку в дагестанских языках падеж напрямую связан с ролевой функцией участников в ситуации, то можно говорить о том, что личное глагольное маркирование встраивается в синтаксическую и ролевую иерархии аргументов, вводя еще один параметр ситуации: какой из участников является в ней центральным, а какой – периферийным. Поскольку личное глагольное маркирование определяется в первую очередь позицией концептуализатора, то есть первого лица, поведение первого и второго лица с точки зрения личных показателей различается, в результате чего получается достаточно сложная картина того, какие участники, какого лица, с какой семантической и синтаксической ролью способны служить центральным фрагментом ситуации.

Таким образом, в говоре сел. Межгюль центральным всегда оказывается субъект, причем любого лица и любой роли. При этом при ситуации, в которой субъектом является второе лицо либо локативный субъект любого лица, центр ситуации образует только этот субъект и никакой другой участник не может образовывать ее центральный фрагмент. В то же время ситуация с субъектом первого лица может быть представлена как ситуация с расширенным центром, поскольку центральным в ней является взаимодействие двух личных участников. Наконец, в ситуации, где участвует субъект состояния, может быть выделен альтернативный центр, который образован вторым личным участником, и в этих достаточно редких случаях право на центральную роль в ситуации передается ему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы постарались показать, глагольное личное согласование в табасаранском языке не является в прямом смысле согласованием с местоименными аргументами. Личные глагольные маркеры имеют свою семантику и указывают на такой тип ситуации, в которой участвует концептуализатор или его адресат и подчеркивают, что они центральны в данной ситуации. Семантика личных показателей в полной степени раскрывается в конструкциях с косвенной речью, где имеется функциональное расщепление главного участника речевого акта: на исходного говорящего (концептуализатора) и текущего говорящего. В простом же предложении эти функции совмещены, поэтому поведение личных маркеров в большинстве случаев выглядит как определяемое чисто синтаксическими параметрами. Семантика личного глагольного маркирования, которую удалось обнаружить, показывает, что личные показатели в табасаранском языке проявляют логофорические свойства. Особенностью табасаранского языка является то, что личный показатель не задается каким-либо конкретным типом глагола (например, глаголом говорения), а напротив, он присутствует практически в любом простом предложении каждый раз, когда субъектом является лицо. Это правило касается не только первого лица, но верно и для субъекта второго лица, что необычно для языков с маркированием логофоричности в глагольной словоформе.

Личный показатель, указывающий на второго участника ситуации, имеет ту же семантику, что субъектный личный показатель: он указывает на концептуализатора либо на его адресата. Единственное отличие состоит в том, что личный маркер во второй позиции определяется дискурсивно-прагматическими условиями и появляется в том случае, если второй участник приобретает центральную роль в ситуации. Семантика личного показателя во второй позиции позволяет увидеть также то, что обязательность субъектного показателя связана с его центральным положением в ситуации. Вторым же участник может составлять как центральный фрагмент ситуации, так и ее периферию. Распределение участников по значимости в ситуации отчасти схоже с используемым в когнитивной семантике понятием «windowing of attention» [Talmy 2000: 266], заимствованным из компьютерной терминологии и связанным с управлением большим числом окон на экране компьютера. Когнитивный механизм, названный «windowing of attention», заключается в том, каким образом происходит, с одной стороны, выделение определенного фрагмента ситуации (как бы помещение его в окно), а с другой стороны, отстранение неважных компонентов ситуации, их пропуск. Как видно, глагольные личные показатели в табасаранском языке являются таким языковым инструментом, позволяющим регулировать распределение внимания между участниками. Уникальным для табасаранского при этом является то, что распределение внимания происходит только с личными участниками и центральными фрагментами описываемой ситуации могут быть либо концептуализатор или его адресат, либо оба этих участника вместе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2 – 1, 2 лицо	LAT – движение в область локализации
AG – агентивный согласовательный показатель	N – классно-числовой показатель неодушевленного класса единственного числа
ADD – аддитивная частица ‘и, тоже’	NEG – отрицание
ADV – адвербиализатор	NN – классно-числовой показатель не неодушевленного класса единственного числа
APUD – нахождение рядом с ориентиром	PAT – пациентивный согласовательный показатель
CIT – цитатив	PF – основа совершенного вида
CONV – деепричастие	PL – множественное число
COP – глагол-связка	POST – нахождение позади ориентира
DAT – датив	PRON – прохибитив
DIR – движение по направлению к области локализации	PRS – настоящее время
ELAT – движение из области локализации	PFT – прошедшее время
ERG – эргатив	PTCL – частица
ESS – нахождение в области локализации	Q – вопросительный показатель
EXCL – эксклюзивное местоимение	RES – результатив
FUT – будущее время	SG – единственное число
GEN – генитив	
IMP – императив	<> – при помощи угловых скобок обозначается инфикс
IN – нахождение внутри ориентира	
INCL – инклюзивное местоимение	
INF – инфинитив	
IPFT – имперфект	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генко 2005 – *А.Н. Генко. Табасаранский язык. Диалектологический очерк* // А.Н. Генко. Табасаранско-русский словарь. М., 2005.
- Кибрик 2003 – *А.Е. Кибрик. Материалы к типологии эргативности. Табасаранский язык* // А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик, Селезнев 1982 – *А.Е. Кибрик, М.Г. Селезнев. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке* // А.Е. Кибрик (ред.). Табасаранские этюды. М., 1982.
- Магомедов 1955 – *А.А. Магомедов. Местоименная аффиксация в глаголах табасаранского языка* // Иберийско-кавказское языкознание. Т. VII. Тбилиси, 1955.
- Магомедов 1965 – *А.А. Магомедов. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.*
- Услар 1979 – *П. К. Услар. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.*
- Ханмагомедов 1970 – *Б.Г.-К. Ханмагомедов. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970.*
- Aissen 1999 – *J. Aissen. Markedness and subject choice in optimality theory* // Natural language and linguistic theory. 1999. V. 17.
- Aikhenvald 2011 – *A.Y. Aikhenvald. Semi-direct speech in typological perspective* // A.Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon. Language at large. Leiden; Boston, 2011.
- Bhat 2007 – *D.N.S. Bhat. Pronouns. Oxford, 2007.*
- Culy 1997 – *Ch. Culy. Logophoric pronouns and point of view* // Linguistics. 1997. V. 35. № 5.
- Curnow 2002 – *T. Curnow. Three types of verbal logophoricity in African languages* // Studies in African linguistics. 2002. V. 31. № 1/2.
- Nikolaeva 2001 – *I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure* // Linguistics. 2001. V. 39. № 1.
- Talmy 2000 – *L. Talmy. The windowing of attention in language* // L. Talmy. Toward a cognitive semantics. V. 2. Typology and process in concept structuring. Cambridge (Mass.), 2000.

Сведения об авторе:

Наталья Константиновна Богомолова
Институт языкознания РАН
n.bogomolova@mail.ru